

Фан Юй'эр был весьма уверен в своей внешности.

С самого детства он походил на фарфоровую куколку: кожа нежная, словно лепесток, огромные глаза и алые губы, будто тронутые помадой.

Прекрасно зная об этом, он всегда пользовался своей красотой, чтобы добиваться желаемого — неважно, от женщин или от мужчин.

Всякий раз люди завороженно смотрели на его лицо, поспешно соглашаясь на любые просьбы, готовые ради него хоть сердце вырвать из груди.

Поэтому сейчас он ни на миг не сомневался, что этот красивый мужчина перед ним будет так же очарован его прелестью, как и все остальные.

Однако...

Цинь Суй лишь насмешливо посмотрел на него сверху вниз, и в этой улыбке сквозил холод.

— Не выйдет.

Сказав это, он больше не удостоил Фан Юй'эра и взглядом, зашагав вслед за удаляющимся Цзи Жуанем.

Лицо Фан Юй'эра помрачнело.

В его глазах мелькнула злоба. Стиснув зубы, он поднялся с земли и посмотрел вслед уходящим, чувствуя горечь поражения.

Впервые он встретил мужчину, на которого не подействовали его чары.

Впрочем, это не беда. Он верил, что пройдет совсем немного времени, и мужчина, запавший ему в душу с первого взгляда, навсегда станет его.

*

Цзи Жуань шел быстро и вскоре вернулся домой.

Он поставил корзину на кухне и принялся доставать дикорастущие овощи, необходимые для ужина.

Закончив, он обернулся и неожиданно увидел мужчину, прислонившегося к дверному косяку.

Цинь Суй скрестил руки на груди, и в его взгляде читалась редкая серьезность.

— Ты все еще злишься?

Всю дорогу до дома Цзи Жуань не проронил ни слова.

Сердце Цзи Жуаня дрогнуло: забота в голосе Цинь Суй вызвала странное стеснение в груди. Он опустил голову, пытаясь прошмыгнуть мимо.

Но Цинь Суй перехватил его за руку.

— Прошу прощения, мне не следовало трогать твое лицо.

Цзи Жуань замер и хрипло произнес:

— Я уже не злюсь.

— Правда? — Цинь Суй тихо рассмеялся.

Цзи Жуань бросил на него косой взгляд:

— Предупреждаю сразу: пока ты живешь у меня, не смей трогать мою вуаль! Если еще раз прикоснешься, я... я...

— И что же ты сделаешь?

Вид Цзи Жуаня был до того очарователен, что у Цинь Суя зачесались руки. Не сдержавшись, он обнял Цзи Жуаня за тонкую талию.

Талия у того оказалась тонкой и гибкой. Цинь Суй невольно посильнее притянул его к себе.

— Так что же ты сделаешь?

Он склонился и прошептал это прямо на ухо Цзи Жуаню.

Угроза уже вертелась на языке, но Цзи Жуань не смог выдавить ни слова. Мужчина был слишком близко, его янтарные глаза, руки, сжимающие талию, — все это туманило сознание.

— Я... я тебя прирежу.

Он произнес это едва слышно. И хотя слова звучали как угроза, голос был таким мягким и нежным, словно любовный шепот.

Испугавшись собственной мысли, Цзи Жуань с силой оттолкнул Цинь Суя и, спотыкаясь, поспешно бросился прочь.

Цинь Суй смотрел на его поспешно удаляющуюся фигуру, и уголки его губ тронула улыбка.

Наступил вечер.

После ужина Цзи Жуань решил искупаться. Стояла душная жара, к тому же за день он порядком вспотел, собирая овощи в горах, так что прохладная ванна была как нельзя кстати.

Цзи Жуань сходил к колодцу у ворот деревни, набрал воды и наполнил деревянную бадью в купальне.

Лишь закончив приготовления, он запоздало — или, скорее, не желая признавать очевидного — вспомнил, что в доме все еще находится человек.

— Ты... выйди.

Неизвестно почему, но одна мысль о том, что он будет мыться, пока мужчина находится всего в десяти шагах, заставляла его чувствовать себя не в своей тарелке, а дыхание — перехватывать от жара.

Цинь Суй с улыбкой кивнул, вышел в соседнюю комнату и заботливо прикрыл за собой дверь.

— Малыш, мойся тщательнее.

Он весело рассмеялся, и в полумраке вечерней комнаты его глаза ярко блеснули.

<http://bllate.org/book/18650/1797606>